

Сергеи Назипович Гавров

Россия в постимперском пространстве

Проблема геополитического лидерства сегодня, как, впрочем, и в иные исторические эпохи, не имела и не может иметь легкого и волюнтаристического решения. Попытка достижения лидирующих позиций должна быть подкреплена значительным социокультурным превосходством над предполагаемыми контрагентами, локальным выражением которого служат имеющиеся в наличии инновационные технологии и мощный инвестиционный потенциал. Стремление к формальному и неформальному лидерству неотделимо от формирования поля притяжения и симпатии, позиционирования себя как референтного, модельного образца для мира в целом и/или его отдельных регионов, образца желаемого состояния государства и общества. Именно достижение таких референтных позиций позволяет транслировать ближним и дальним народам свои нормы, ценности, модели повседневного поведения.

Такое коллективное лидерство демонстрируют страны старой Европы – Германия, Великобритания, Франция, своими успехами создавая пример для подражания, вызывая желание приобщиться к этим успехам, интегрироваться в межгосударственную систему, способную содействовать развитию менее развитых государств. Во

многим на подобных основаниях строится как рациональное и осознанное, так и подсознательное стремление к европейской интеграции во второй половине XX – начале XXI века.

Сегодня мы видим все большую институциональную экспансию Европы, когда расширение Европейского союза на восток охватывает все новые и новые регионы, в том числе и те из них, которые никогда не относились к «традиционной» Европе. Наблюдаемое расширение европейских границ беспрецедентно, но еще более любопытны возможные будущие трансформации ЕС. Мы имеем в виду ту настойчивость, с которой стремится в объединенную Европу Турецкая Республика, стремится вопреки модным концепциям столкновения цивилизаций и культур, несмотря на свое конфессиональное прошлое и настоящее, несмотря на имперскую традицию, с которой так последовательно и убежденно боролся турецкий реформатор-западник Кемаль Мустафа (Ататюрк) [Кемаль, 1934: 72].

В Москве с лекцией «Дилеммы европеизации в свете соперничества внутри элит», посвященной сравнению турецкого и российского модернизационного опыта, выступил основатель Стамбульского центра политических исследований Ахмет Эвин. Совпадений здесь, наверное, больше, чем различий, но относятся эти совпадения скорее к имперскому периоду существования России и Турции. Только в Турции имперская традиция прервалась в начале 20-х годов прошлого века, а в России империя просуществовала еще порядка семидесяти лет. СССР и стал такой переживавшейся, воспринявшей новую марксистско-ленинскую идеологию российской империей, новое вино было влито в старые мехи, очень быстро приобретя привычный вкус, цвет и запах русского империализма.

Поразительна настойчивость турецкой элиты, с которой она не просто стремится в единую Европу, но и воспринимает западные по своей генеалогии нормы, ценности, модели поведения, что относится

и к размыванию традиционных исламских ценностей [Власова, 2005: 74].

Мы полагаем, что главное отличие между российской и турецкой политической и культурной элитами, несмотря на определенное сходство социокультурной традиции, включающей в себя длительные периоды авторитаризма и имперскости, заключается в следующем. Турецкая элита со времен Ататюрка искренне стремится на Запад, в Европу. Уже несколько поколений представителей турецкой элиты, не только гражданской, но и военной, получили полноценное западное образование, проходя полный курс обучения в ведущих университетах и военных учебных заведениях Европы. Продолжительность этого процесса в течение многих десятилетий приводит к прогрессирующей европеизации турецкой элиты. Сегодня европейская идентичность – это во многом ее собственная идентичность, укоренившаяся так глубоко, что она готова к ее защите всеми возможными способами, включая использование военной силы.

Мы знаем из истории, что при малейшей угрозе со стороны исламистов, традиционно ориентированной части турецкого народа в дело всегда вступала турецкая армия, которая на протяжении десятилетий была и остается оплотом турецких западников, силой, гарантирующей западный, светский путь развития страны. Так меняется мироощущение элиты, а она, как правило, первой меняет свою культурную и даже религиозную идентичность.

В российском случае легко прослеживается воспроизводимое при различных исторических и социокультурных обстоятельствах стремление к сохранению своей личности, самости, поиску некоего мифического «третьего пути», стремление остаться конкурирующим с коллективным субъектом Запада силой. Имперскость как идеология и империя как физическое и социокультурное образование вполне способны служить этим априорным, в чем-то даже подсознательным целям части российского истеблишмента.

Именно в рамках такой самовоспроизводящейся картины мира империя рассматривается как великая ценность, поскольку именно имперские ресурсы могут вывести такое военно-политическое, экономическое и культурное противоборство с Западом за рамки ситуации заведомо анекдотичной. Заметим, что именно поэтому современную постсоветскую Россию, во всяком случае ее политическую и военную элиту, так тянет к созданию некоторой квазиимперской группировки из стран-сателлитов. Ключевую роль в этом неоимперском строительстве должна была играть пророссийская Украина, но после народной «оранжевой» революции эти геополитические мечтания не только сохранили, но и упрочили свой виртуальный статус.

Сегодня украинская политическая элита совершенно четко определилась со своими идеологическими ориентациями и ценностными предпочтениями, в том числе и с геополитической ориентацией. Ориентация эта вполне однозначна: Украина – это неотъемлемая часть Европы, западного мира вообще.

Мы полагаем, что в результате «оранжевой» революции на Украине потерпел не локальное и поправимое, но окончательное и бесповоротное поражение проект нового российского империализма; не успев начаться, провалилась попытка сколачивания антизападного блока из государств СНГ. Большое видится на расстоянии, и более или менее адекватное осознание важности произошедшего осенью/зимой 2004/2005 годов на Украине будет осознано как народами, так и историками несколько позднее, по своим более отдаленным результатам. Автору очень хочется верить, и для этого есть крайне серьезные и значительные предпосылки, что таким не очень отдаленным, не позднее 2008 года, следствием «оранжевой» украинской революции станет демократизация и демонтаж авторитаризма и неоимперскости [Померанц, 2003: 324] в современной постсоветской России.

Другой вопрос, что геополитическая игра на постсоветском пространстве еще до конца не сыграна, и здесь нас могут ожидать некоторые неожиданности. Часть российской элиты берет все более отчетливо просматриваемый курс на установление авторитарного правления. Известно, что подобное тянется к подобному, поэтому уже сегодня неизбежен поиск тех режимов и политических лидеров, которые сами исповедуют ценности авторитаризма, самобытности, противостояния Западу во всех сферах жизни. И здесь выбор достаточно невелик, если он вообще есть. Возможно один-два лидера, в прочности политического положения которых вполне возможно усомниться уже сегодня, и совершенно не возможно не усомниться завтра.

Можно, наверное, попробовать сыграть ва-банк, как сыграл уже господин Слободан Милошевич, провести несколько последних арьергардных боев и даже выиграть какие-то из них. Но современное состояние дел в мире таково, что в борьбе с коллективным субъектом Запада можно выиграть, если очень повезет, отдельные «бои», но нельзя выиграть противостояние в целом. Чем смелее, «куражнее» будут играть против западных институций и западной культуры авторитарные элиты на постсоветском пространстве, – тем выше будет уровень конечных издержек, как для них, так и для народов этих стран.

Парадокс истории заключается в том, что чем бесшабашнее и жестко играешь, тем быстрее попадешь в Гаагу, и отнюдь не в качестве беззаботного туриста. Конечно, пенитенциарные учреждения в Евросоюзе несколько лучше аналогичных заведений в России и других странах СНГ, но все же, все же.... Кроме того, на примере того же Слободана Милошевича видно, что заработанные непосильным трудом деньги хранятся в западных банках, которые совсем не свободны от привходящей политической конъюнктуры. При рассмотрении этих ограничений на пути волюнтаристичной внутренней и внешней политики становится более понятно стойкое

нежелание Э. Шеварднадзе, Л. Кучмы и А. Акаева играть жестко, использовать в борьбе с народными революциями спецслужбы и армию. Возможно, что не все еще забыли и о судьбе К. Чаушеску – бывает в истории и так....

Но можно попытаться избежать такого развития событий, покаяться, нижайше испросить у сильных мира сего иммунитет от уголовного преследования, на деле подкрепив свое прошение примерным поведением в период революционного кризиса. Следование здравому смыслу, заключающееся в признании сложившегося в мире баланса сил вполне может получить свое вознаграждение, в том числе длительный спокойный и обеспеченный отдых в живописных уголках планеты – где-нибудь на Таити, Лазурном Берегу и т.д. Такая судьба вполне может ожидать политиков адаптивных, способных на диалог не на уровне идеологических абстракций, но интересов. Мы говорим о возможном выборе политических лидеров, но их выбор самым серьезным образом влияет на жизнь нации. Да, у нее будет свой выбор, но степень гуманности и бескровности перемен во многом зависит от национальных лидеров, политической и военной элиты, это их историческая ответственность.

Но правители приходят и уходят, а народы остаются, остается геополитическое положение, остается влажный балтийский ветер со стороны Европы, остается историческая неизбежность европейской интеграции. Мы полагаем, что главными позитивными стратегическими внешнеполитическими целями для народов европейской части постсоветского пространства является интеграция в ЕС и НАТО. Такого рода интеграция не только означает изменение геополитической ориентации и внешней политики в целом, но и изменение внутреннего положения, включающего в себя демократизацию, соблюдение прав человека, выравнивание социокультурного пространства по европейскому образцу. Мы не питаем иллюзий в отношении легкости этого пути, понимая, что

каждый успешный шаг в направлении европейской интеграции потребует изменений как на ментальном, так и на институциональном уровнях. Но надо осознавать не только сложность задачи, но и ее практическую разрешимость в не столь отдаленной исторической перспективе.

Исторической альтернативой такому развитию событий на постсоветском пространстве служит вариант имперской реставрации, не совместимый с политической демократией, соблюдением минимального набора демократических прав и свобод [Черняев, 1998: 30]. Мы полагаем, что попытка имперской реставрации ведет к неизбежному сужению личного жизненного пространства, радикально уменьшает вероятность самореализации человека практически во всех профессиональных сферах, кроме тех, что прямо или опосредованно обслуживают интересы неоимперского государства. В нем всего два главных действующих лица – чиновник и силовик (человек с ружьем), и на подхвате – обеспечивающее идеологическое прикрытие для «активных мероприятий» новое поколение пропагандистов и агитаторов.

Осуществление подобной исторической альтернативы нас абсолютно не устраивает, мы полагаем, что сегодня необходимо максимально четко и жестко сказать «нет» неоимперским поползновениям на постсоветском пространстве, постараться не позволить в очередной раз продлить существование империи, как это было после окончания Гражданской войны в России/СССР.

Что происходит в стране сейчас – строительство национального государства или путь имперского реванша? Этот вопрос применительно к России уже не кажется риторическим, как это было бы еще лет десять назад. И здесь нас не спасает история, ведь ее опыт должен быть осознан, отрефлексирован обществом – только так может быть выработано противоядие от имперской идеологии и имперских форм государственного устройства.

Работа над историческими ошибками проведена не была, в общественном сознании стало популярным ложное представление о том, что советская империя стала жертвой конъюнктурных внешних обстоятельств и предательства части политической и интеллектуальной элиты – демократов. Но если все так просто, тогда достаточно попробовать изменить внешние обстоятельства, «укрепить» геополитические позиции российского государства, «пристегнуть» к нему Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию, а там, чем черт не шутит, и Украину с Беларусью. Вот такой выстраивается неоимперский проект – в пору бы воспринять его как неудачную первоапрельскую шутку, но мешает все более отчетливое ощущение того, что проект этот не только реален, но уже находится в стадии выполнения. Очевидно, что его осуществление не может не привести к самым серьезным внешнеполитическим издержкам, поставить Россию на грань между войной «холодной» – латентной, и «горячей» – открытой.

Естественно и то, что самые серьезные потери от этого военно-политического противостояния будет нести само российское общество, так апатично «сдающее» сегодня демократические завоевания горбачёвско-ельцинского периода. Но демократия – это единственная возможность общества застраховаться от внешнеполитических авантюр, потому сведение ее к декоративным, сугубо внешним, бессодержательным формам означает отказ от самой внешнеполитической «страховки». Мы знаем, какую огромную цену заплатил народ Германии за отказ от демократии и развязывание Второй мировой войны. Не меньшую цену заплатили за этот выбор немецкой политической элиты и народы Европы. Но это чужой исторический опыт, слишком «далекая» для российского общества аналогия, нас ведь и собственный исторический опыт ничему не учит.

Выстраивание в России системы «управляемой демократии» минимизировало участие общества в принятии решений как во внутренней, так и во внешней политике. Решения эти принимает часть политической элиты, которую с известной долей условности можно определить как ностальгирующих по советской империи «государственников». Ключевой вопрос, на который им приходится отвечать, заключается в следующем: Россия – это часть Европы, потенциальная часть Запада или самостоятельный центр силы – как ЕС, США, Китай? От ответа на этот вопрос зависит наше настоящее и будущее.

Если российская политическая элита отвечает, что Россия часть Европы и потенциальная часть Запада, по аналогии с Германией, которая только после окончания Второй мировой войны вошла в Евро-атлантическую цивилизацию, то тогда расширение ЕС и НАТО на Восток и Юг, на Украину и Грузию не только не опасно, но и желательно. Тогда это движение вместе с Россией – они в НАТО и ЕС раньше, мы позже. Естественно, что формы интеграции в эти международные структуры у маленькой Грузии и большой России могут быть различны.

Есть и другой вариант ответа – Россия является самостоятельным центром силы, самостоятельной восточно-христианской цивилизацией, воплощавшейся ранее в российской и советской империях и долженствующая воплотиться в империи новой. Этот ответ предполагает, что НАТО является военно-политическим конкурентом, продвижение которого к границам России таит в себе серьезную угрозу – угрозу самой возможности имперской реставрации.

Насколько серьезно воспринимается эта угроза и насколько далеко может пойти российская военно-политическая элита, чтобы эту угрозу нейтрализовать? В случае с Украиной угроза воспринимается максимально серьезно. Ведь только вместе с Украиной Россия может в той или иной мере вернуться к имперскому

пути развития на основе «православно-славянской» идентичности. Без Украины центр российской имперскости неизбежно сдвинется на Восток, обе головы двуглавого орла будут повернуты от европейско-византийского наследия к наследию востока, монголов, Китая. И если Византии уже давно нет, то набирающий экономическую и геополитическую мощь Китай есть и сегодня. Без Украины новый российский неоимперский проект может стать лишь проектом «возвращения в Орду», идеологическим и военно-политическим дистанцированием от Запада, уходом из Европы.

Сегодня российские «государственники» симпатизируют традиционному имперскому проекту – Россия во главе славянского государственного образования – во главе Украины и Беларуси. Это ядро распавшегося СССР, ядро традиционного российского государства – это, говоря языком геополитики, основная часть хартленда. На какое-то, очень небольшое историческое время, его ресурсов может хватить для противостояния объединенной Европе и НАТО, затем последует очередная геополитическая и социальная катастрофа – это тоже повторение пройденного. Важным для российской политической элиты является и то, что при неоимперском «объединении славян» ярлык на «княжение» будет выдаваться в Москве, в случае же обращения на Восток, к Китаю, «раздача ярлыков» может переместиться в Пекин.

Ясно, что при таком наборе альтернатив неоимперская часть политической элиты России будет отчаянно бороться за Украину, за ее имперскую интеграцию, или, по меньшей мере, пророссийский курс. Ведь интеграция Украины в ЕС и НАТО снимает даже теоретическую возможность традиционной имперской реставрации.

Ставки по Украине зашкаливающе высоки, именно здесь возможен мощный геополитический слом с российским участием, в отличие от событий на Кавказе, в Грузии, которые при всей своей остроте и возможной трагичности могут не выйти за рамки локального конфликта. Не на Кавказ, но на Украину направлено геополитическое

острие имперской реставрации. Нужен ли этот геополитический слом, раскол и разделение страны на свой запад и свой восток самим украинцам? Думаю, что нет – вне зависимости от политических и партийных симпатий, даже вне зависимости от языка – украинского или русского. И не так уже важно, поддерживают украинские избиратели Партию Регионов, блок Юлии Тимошенко, Нашу Украину – им всем это не нужно. Это нужно лишь внешним по отношению к Украине неоимперским силам.

Не нужна имперская реставрация и народам России – прекраснодушные неоимперские мечтания «за чашкой чая» дорого обходятся при попытке их практического воплощения.

Главным вопросом, который встает перед политическими, экономическими, культурными элитами постсоветских государств, является проходящий в рамках глобализации процесс ограничения национального суверенитета. Это ограничение предполагает передачу части национального суверенитета на наднациональный уровень, это достаточно объективный и жесткий в своем воплощении процесс. Можно его принимать и под него подстраиваться, но возможно и противостоять, идти против сбивающего с ног ветра истории.

Фундаментальная ошибка части российской политической элиты, полагающей, что есть вероятность выстраивания эффективной и жизнеспособной полуавтаркической политической системы, сохраняющей на своей территории всю полноту суверенитета, распадается на целый ряд более локальных ошибок. Итак, попробуем рассмотреть некоторые из них.

Во-первых, процесс демократизации «по западному образцу» не только привносится извне, но и имеет определенное количество приверженцев в разных странах мира, в том числе и в России. Пусть количество этих людей не столь велико, во всяком случае, не преобладающе, это наиболее активная, молодая и успешная часть нации. Это сильные люди, которым не нужно патерналистское

государство, люди, которым не нужна империя, люди, которые не будут жертвовать своими средствами, энергией, а тем более жизнью во имя любого антизападного политического проекта. Кроме того, они не распылены по огромной стране, но преимущественно сконцентрированы в двух столицах – Москве и Петербурге. Излишне, наверное, напоминать, что революции, как правило, происходят именно в столицах. И здесь ничего не спишешь на конспирологические теории, западную финансовую помощь, происки ЦРУ и Мосада. Это все вовне, а внутри этих людей почти инстинктивное отторжение авторитарного государства и имперскости.

Во-вторых, мы имеем совсем недавний опыт военно-политического противостояния со странами НАТО, противостояния, ускорившего падение СССР. Но Советский Союз был куда более сильным, чем современная Россия в различных областях, в том числе в экономике и в военной области. Советский Союз обладал куда более значительными демографическими ресурсами и «выгодным» геополитическим положением. Всего этого нет у современной России, попытка военно-политического противостояния с Западом приведет к достаточно быстрому обрушению новой постсоветской государственности, ускорит наступление третьего этапа деконструкции империи. Парадокс истории заключается в том, что любая попытка навязать свое влияние на постсоветском пространстве, приступить к очередному многотрудному этапу собирания земель русских приведет к серьезному риску потери еще сохранившихся земель.

Кроме того, попытка противостояния объективным процессам, выстраивание антизападного политико-экономического проекта неизбежно потребует обращения к мобилизационной идеологии, поскольку исключительно на неприкрытом насилии подобный режим не сможет существовать в течение сколь угодно малого исторического времени. В связи с этим отметим, что Россия пережила

историческое искушение интернациональным социализмом, в общественном сознании возникло даже некое противоядие, но не по отношению к социализму как таковому, но, по крайней мере, по отношению к его интернациональной составляющей. Искушение национальным социализмом, более или менее агрессивными формами национализма еще впереди [Федотов, 1991: 53].

Суть очередной волны «бархатных революций» заключается в отбраковывании политических режимов, претендующих на традиционный, но чрезмерный в современных условиях контроль над процессами, происходящими на национальной территории, в традиционном понимании национального суверенитета. Кто сознательно хочет противиться истории – это несение их личного креста, путь, приводящий в конце концов если не в Нюрнберг образца 1946 года, то хотя бы в благоустроенную и цивилизованную Гаагу времени суда над Слободаном Милошевичем. Но, господа, как и прыжок из самолета с заведомо неисправным парашютом – это может быть вашим личным политическим выбором – не надо втягивать в него народы, не надо настаивать на коллективном самоубийстве подданных.

Мы настаиваем на том, что любой политический проект, предполагающий сохранение традиционного объема национального суверенитета, несет в себе более или менее значительную антизападную составляющую, и, вследствие этого, обречен на неудачу. Соотношение сил в мире далеко не в пользу тех, кто уповающих на подобные проекты, оно абсолютно, заведомо проигрышно [Пахомов, 2002: 613]. Худших недоброжелателей для своих народов, чем патриоты-государственники, сегодня просто не существует. Как известно, дорога в ад вымощена благими намерениями, и патриоты-государственники способны привести в этот ад народы, никуда более они привести не способны [Яковлев, 2003: 655].

Некоторые российские политологи, в частности Г. Павловский [Гурова, 2004: 30], утверждают, что время революции закончилось, наступило время контрреволюции. Отметим, что вопрос о том, завершилась ли на самом деле революция как в России, так и на всем постсоветском пространстве, остается, по меньшей мере, открытым. Бархатные революции на территории Восточной Европы (Югославия, Румыния) и на постсоветском пространстве (Грузия), а сегодня и Украина, показывают: революция продолжается. Иными словами, началась третья волна освободительных революций, волна, которая меняет авторитарные политические режимы, настаивающие на полноте национального суверенитета и с изрядным антизападным акцентом. Это освобождение европейских стран является частью более общего процесса демонтажа авторитарных режимов по всему миру, начиная от Афганистана, продолжая Ираком, далее везде.

Эта новая освободительная волна восходит, в частности, к борьбе Советского Союза и стран западной демократии с национал-социалистическими, фашистскими и авторитарными режимами в Европе и Японии в годы Второй мировой войны. Процесс освобождения мира от авторитаризма антизападного толка продолжился и в годы холодной войны, когда удалось остановить распространение коммунизма по земному шару, и позднее, когда в 1991 году распался Советский Союз, представлявший собой наиболее серьезную и последовательную антизападную альтернативу мирового развития. То, что происходит сегодня и будет происходить завтра – является продолжением этого глобального процесса деконструкции авторитарных антизападных режимов. Мы позволим себе утверждение, что в мире нет сил, способных остановить демонтаж этих режимов, по меньшей мере, в географических пределах Европы.

«Оранжевая революция» на Украине при всех сопутствующих рисках геополитической дестабилизации на постсоветском пространстве является несомненным благом для осуществления

либерального модернизационного проекта в России [Быков, Власова, 2004: 17], нашей институциональной интеграции в европейские структуры, прежде всего в ЕС, а в перспективе и в НАТО. Позитивный ответ на вызов эпохи предполагает соблюдение устанавливаемых Западом правил игры, в том числе соблюдение прав человека, поддержание парламентской демократии, компромиссную политику в отношении западных контрагентов. В сфере экономики принятие этого процесса предполагает встраивание в систему мирового разделения труда, кооперацию с ведущими мировыми производителями, транснациональными корпорациями, когда их интересы учитываются в возможно полной мере. Позитивный ответ на вызов эпохи заключается в переходе от обеспечения национальной безопасности военными средствами к делегированию ответственности международным (западным) институтам. Россия как часть блока НАТО, не только ведущая, но и ведомая, подстраивающая свою политику под политику блока – в этом и состоит реальная возможность решить проблему национальной безопасности и демократизировать постсоветское пространство.

- [1] Путь М., Турции, Т.Ш. 1934. *Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидация национального фронта 1920–1921*. М.: Гос. социально-экономическое изд-во.
- [2] Померанц, Г. С. 2003. *Из глубины холодной смуты*, Неуслышанные голоса. Том 2. М.: Независимое издательство «Пик».
- [3] Черняев, Н.И. 1998. *Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия* / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва.
- [4] Федотов, Г. П. 1991. *Новый идол, Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры*:: В 2 т. Т. 2 / Сост., вступительная статья, примечания Бойкова В.Ф. СПб.: София.
- [5] *Цивилизационные модели современности и их исторические корни*. Ю.Н. Пахомов, С.Б. Крымский, Ю.В. Павленко и др. Под ред. Ю.Н. Пахомова. Киев: Наук. думка, 2002.
- [6] Яковлев, А.Н. 2003. *Сумерки*. М.: Материк, 2003.

- [7] Гурова, Т. 2004. *Революция, ее вожди и ее технологии*, Эксперт, 13-19 декабря №47 (447).
- [8] Быков, П., Власова, О. 2004. *Зачем нам нужна Украина*, Эксперт 13-19 декабря 2004, №47 (447).
- [9] Власова О. 2005. *Последний шаг в Европу*, Эксперт. 28 марта-3 апреля, № 12 (459)